волю к социальному бытию феодальной мелкоты: „Не оперив стрелы, прямо не стрелити, ни леностию чести добыти; зла бегаючи, добра не постигнути... (*Ч, XIII*)“.

Однако он уже твердо убежден в том, что только благодаря князю может установиться такой порядок, при котором ему (автору) и его собратьям хлеб перестанет казаться горьким, как полынь, а питье — растворенным слезами. Этим объясняется тот новый строй, который приобретает текст „Слова“ под пером его редактора. В „Молении“ значительно усиливается просительный тон. Автор просит не покровительства для своего „художества“, а милости княжеской по причине своей „худости“ или „скудости (*Ч, VI, XX*)“. Он готов, используя фразеологию псалтыри, назвать себя сыном рабыни, княжеским рабом, лишь бы добиться этой милости. И, конечно, это не личная просьба: „Яко очи рабыни в руце госпожа своеи, тако очи наши в руку твоею (*Ч, IX, VI*)“. В этом самоуничижении видна определенная тенденция. Подчеркиванием незнатности своего происхождения составитель „Моления“ как бы противопоставляет новую социальную группу, — представители которой могли надеяться на княжескую „честь и милость“ только благодаря своим личным достоинствам, главным образом уму, — знатным и родовитым вельможам. „Луче един смыслен, — говорит он, — паче десяти владеющих грады властелин без ума (*Ч, XX*)“.

Новая направленность „Моления“ характеризуется также несколько иным отношением его составителя к князю, чем то, которое мы наблюдали у автора „Слова“. Правда, и тот и другой отстаивают идею сильной княжеской власти. Но если автор „Слова“ еще признает необходимость участия в управлении княжеством „добрых думцев“, порицая только лихих, то составитель „Моления“ высказывается против „думцев“ вообще. „Не корабль топит человека, но ветер, — говорит он, — тако же и ты, княже, не сам владееши, в печали введут тя думцы твои (*Ч, XXIII*)“.

Еще ярче новое в оценке княжеской власти сказывается у составителя „Моления“ в том противопоставлении отношения дворянина к службе у князя и к службе у боярина, которое было совершенно недоступно для автора „Слова“. Автор „Слова“ говорил: „Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится большей работы (*А, XXV*)“, равно относя его и к службе у князя и к службе у боярина. Составитель же „Моления“ проводит в этом отношении резкую грань между князем и боярином. Он предпочитает носить „лыченицы“ в княжеском доме, вместо того чтобы ходить „в черлене сапозе в боярстем дворе“; служить князю „в дерюзе“, нежели „в багрянице в боярстем дворе“; пить воду в доме у князя вместо меда „в боярстем дворе“; принять испеченного воробья из рук князя, „нежели боранье плечо от государеи злых (*Ч, XXXVI, XXXVIII*).“ Этот антибоярский выпад заканчивается уже знакомым нам по тексту „Слова“ изречением: „Добру господину служа, дослужится свободы, а злу господину служа, дослужится болшие работы (*Ч, X*)“. Но в контексте „Моления“ это изречение имеет иной смысл, чем в „Слове“: здесь „добрый господин“ — князь, а „злой“ — боярин.

Проведение такой резкой принципиальной разницы между службой князю и службой боярину бесспорно является отражением глубоких изменений, происшедших в феодальных отношениях на Руси в XIII веке. Мелкие феодалы в самой действительности предпочитали ориентироваться на князя, а не на бояр. Идеология именно этой прослойки феодального класса и нашла свое отражение в „Молении“.